

Метафора не есть только художественный троп. Она также не есть способ познания вещей или даже понимания их. Хотя в результате метафорического употребления и рождается некоторое понимание вещей, те или иные понятые смыслы. Но это побочный и не планируемый заранее результат, не входящий в первичную интенцию метафорирования и дающийся, скорее, как вознаграждение за проявленную общительность по отношению к вещам.

Смысл метафоры проясняется не на путях гносеологии или герменевтики, но только онтологически.

Только после онтологической её интерпретации становятся внятыми все остальные и, прежде всего, её собственно эстетическая сущность.

Метафора, с этой точки зрения, есть форма существования вещей в мире, форма более глубинная, чем, например, пространство и время. Последние есть лишь условия её внешнего проявления, через которое, в частности, она может быть доступной и для нас. Вещи по отношению друг к другу находятся в метафорической связи, что говорит об их принципиальной взаимообращённости, взаимонаправленности и взаимозаинтересованности. То есть, они обнаруживают себя существующими в этих отношениях. Каждая вещь определяет себя, только смотрясь во все остальные, рождается в уподоблении себя другим. Метафорическое бытийствование вещей означает не столько их принципиальную "похожесть", взаимозаменимость, сколько саму озабоченность существованием друг друга, немислимость их одиночества: каждая вещь живёт, сознавая себя лишь в свете всех других. То есть, вещи не одиноки, они дружны в соборном качестве, в совместной обусловленности и согласованности.

Разумеется, метафорические отношения вещей нужно рассматривать в их потенции, в самой возможности этих отношений, реализуемой с той или иной степенью вероятности и интенсивности, вообще, в той или иной мере как самими вещами, то есть без нашего ведома, так и при нашем участии, заключающемся в простом художественном метафорировании.

Вещи общаются со своим окружением в имени, считал А.Ф.Лосев, которое имеет умную энергичную природу, но само по себе есть потенция, заряд, требующий для своей реализации чьей-то воли: вещи или её окружения. Если отвлечься от имяславской и исихазмской подопрёки лосевского учения и помыслить его в перспективе онтологической эстетики (а ведь ничто не препятствует такой процедуре), то вполне "имя" можно заменить "метафорой": именно этот термин адекватно отражает то, КАК существуют вещи.

Но до сих пор мы говорили лишь об одном аспекте метафорического бытийствования вещей, который устанавливает их связанность друг с другом самыми тесными узами, их взаимодентичность и, в конечном итоге, утверждает их как представителей Единого, сопresentствующего во всём и как бы более реального, утверждает их как многое, ставшее Единым. Другими словами, то, что в поэтике называется "метафорой", есть неопровержимое лингвистическое доказательство закона мирового Универсума. В рамках этого онтологического аспекта общение вещей предполагает становящуюся, текучую природу вещи, изнутри чреватую перерождениями, превращениями в другую. Текучесть вещей, отсутствие их чётких границ, тотальное тождество всех едва различимых компонентов бытия - вот

предельная интенция этого аспекта. Перекочевав в человеческую культуру, она особо обосновалась на Востоке, где представления о единстве сущего, универсальности превращений-перемен всегда были доминирующими. Хотя, конечно, эта интенция сказалась и на западной почве: от Гераклита до современных тенденций полагания текучести, взаимопроницаемости вещей в качестве лейтмотива мировиденья.

Но есть и другой аспект. Метафорическое бытийствование вещей означает то, что в общение вступают исключительно субъекты (персоны, личности). То есть метафора - это только

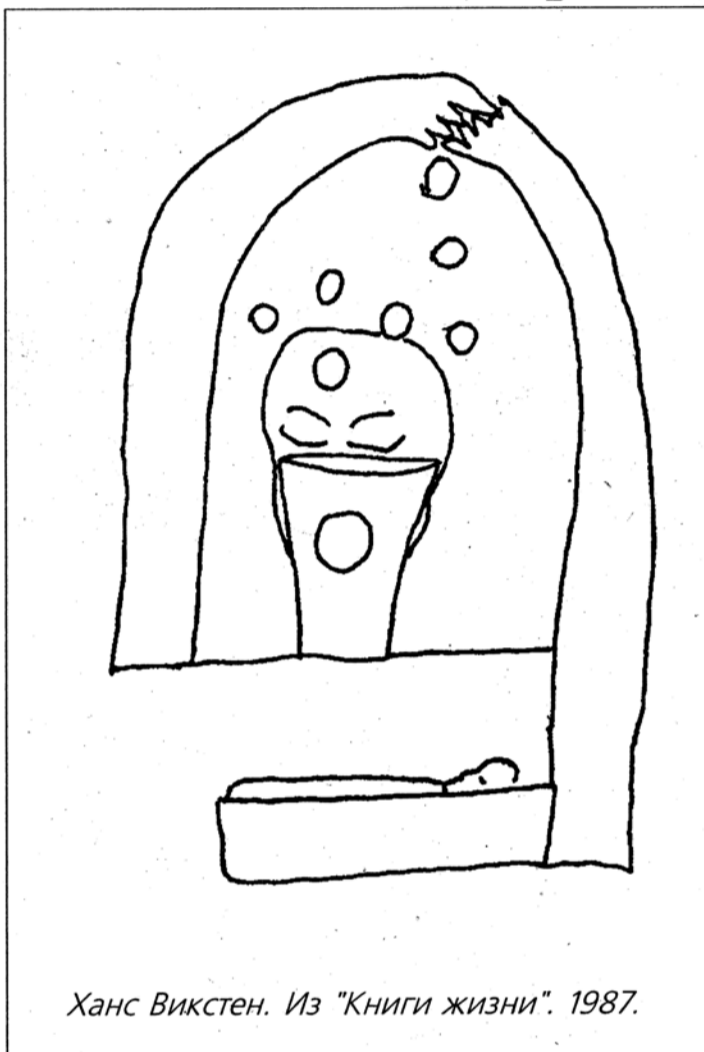
межсубъектные отношения вещей, предполагающие их автономию, отчётливость границ, "непохожесть" на всё остальное. "В метафоре живёт ясное сознание неидентичности", - писал Х.Ортега-и-Гассет. Сравнивая себя с другими вещами, вещь сравнивает себя с собой же, смотрит на себя как бы со стороны, присматривается к себе, своим возможностям и качествам. В логическом плане эта самоидентификация даже первичней, так что справедливо отметить вневременной момент одиночества вещи, правда, устраняемый сразу после его осознания. Вещь среди других вещей и в совокупности с ними образует Универсум. Но этот Универсум есть содружество независимых вещей, каждая из которых может свободно собой распоряжаться. Субстанциональность, самодостаточность и самосоотнесённость, неидентичность и нетекучесть, несводимость к Единому, монадность, реальная множественность вещей - вот другой аспект онтологии метафоры. Иначе говоря, в метафоре как средстве поэтики мы прозреваем не столько реальность Единого, сколько реальность множественного бытия. В этом случае метафора является ярчайшим подтверждением персоналистической структуры мира, а её описание - философией персонализма.

В каждой поэтической метафоре происходит откровение неповторимых вещей-субъектов, чьё демонстративное

взаимоуподобление только подчёркивает их неповторимость. Остальные тропы, как, например, гиперболы или гротеск, сами по себе не дают перспективы онтологического развёртывания и реальны лишь в силу наличия в них метафорического смысла. Поэтическая метафора только потому является игрой, что в ней участвуют сами вещи. Как троп и как средство понимания, она значима именно потому, что УЖЕ онтологична, что до нашего метафорирования бытие вещей УЖЕ существенно метафорично. Человек приходит в мир общающихся вещей, со-бытийствующих в динамике самореализации. Поэтому и метафорическое отношение к вещам, органическое их собственному бытию, дано ему как императив, если только он не замахивается на переустройство миропорядка. Диалог - не выдумка, не произвольный концепт, а единственная органичная миру форма отношения. Но понятие метафоры шире понятия диалога: последнее в антиномической паре с понятием всеединства заключено в "метафоре". Человек метафорирующий вступает в со-бытие вещей как их партнёр, как субъект, привнося в него свою перспективу отношений, свои усилия, направленные на взаимоактуализацию. Так возникает пространство художественного, пространство, в котором все эти процессы становятся для нас более или менее наглядными. Именно художественное есть чаемая область реализующейся на наших глазах метафоры, т.е. фундаментального устройства мира.

Подобную онтологию могут упрекнуть, с одной стороны, в догматизме и нескритичности, с другой, в архаической серьёзности, то бишь, в апелляции к единственным решениям и формулировкам. Отвечая на первое, хочу сказать, что онтология возможна и после Канта, достаточно только довериться очевидности, исходить из непосредственной достоверности очевидного, тем более, что очевидность эта закреплена в многотысячелетнем культурном опыте. Что касается второго возможного упрека, то тут следует заметить: пожалуйста, воспринимайте эту онтологию как одну из возможных, что, конечно же, так и есть, как тоже своего рода метафору, то есть, метафору самой метафоры.

ВИТАЛИЙ ЛЕХЦЕР

Ханс Викстен. Из "Книги жизни". 1987.

ОНТОЛОГИЯ МЕТАФОРЫ